Труды Зоологического института РАН
Том 314, № 3, 2010, с. 357–359

РЕЦЕНЗИЯ. А.И. ШАТАЛКИН. «ФИЛОСОФИЯ ЗООЛОГИИ» ЖАНА БАТИСТА ЛАМАРКА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА. МОСКВА:ТОВАРИЩЕСТВО НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ КМК. 2009. 606 С., БИБЛ. 1128 НАЗВ., 40 ИЛЛ.

В.А. Кривохатский и О.Г. Овчинникова

Зоологический институт Российской академии наук, Университетская наб. 1, 199034 Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: brach@zin.ru

REVIEW. A.I. SHATALKIN. “ZOOLOGICAL PHILOSOPHY„ OF JEAN-BAPTISTE DE LAMARCK: SIGHT FROM XXI CENTURY. MOSCOW: KMK SCIENTIFIC PRESS LTD. 2009. 606 P., REF. 1128, 40 FIGS

V.A. Krivokhatsky and O.G. Ovtshinnikova

Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb. 1, 199034 Saint Petersburg, Russia;
e-mail: brach@zin.ru

С первых страниц исследования, описывая историю становления Ж.-Б. Ламарка как ученого, А.И. Шаталкин подчеркивает самостоятельность и самобытность опередившего свое время ученика графа Бюффона.

Особое внимание А.И. Шаталкин уделяет трансформации понятий «наследственность» и «наследование» в европейских и русском языках во всех предметных областях и обсуждает границы и условия их применения. Дело в том, что о наследовании внутривидовых, а тем более приобретенных признаков во времена Ламарка еще ничего не знали, а под наследственностью родо-видовой подразумевали передачу природы вида от родителей потомкам. Концепцию природы и связанную с ней теорию физиологической наследственности А.И. Шаталкин разбирает наиболее подробно. Кроме теории наследственности, в книге очень подробно разбирается развитие теории эволюции и связанных с ней понятий (создание, вымирание, происхождение, развитие, расселение, градации, конкуренция, борьба, целесообразность). Оценивается роль Ламарка в зарождении биогеографии. Особая роль в развитии эволюционных идей отводится взглядам Ламарка на прогрессивность филетической эволюции в направлении от простого к сложному.

Очень подробно А.И. Шаталкин поддерживает ламарковские идеи о влиянии среды на механизмы наследственности. Связанным с этим разработкам по наследованию модификаций и приобретенных признаков посвящена значительная часть книги. Много внимания уделено описанию механизмов работы генов и транскрипционных сетей, синаптической передаче, теории памяти, проблемам рака и других генетических (эпигенетических) заболеваний. Отдельным рефреном через всю книгу проходит авторское отрицание почти традиционного противопоставления ламаркизма дарвинизму. А.И. Шаталкин старается показать, что эволюционизм Ламарка не так уж «страшен», а мы сегодня не приемлем в «его взглядах» то, что было приписано ему позже.

Некоторые представления Ламарка, выраженные посредством формализованных схем, оказались труднодоступными для понимания. У самого Ламарка (во всяком случае, в известном нам двухтомнике перевода 1935 г.) вместо кладистических схем имеется подробнейший классификатор животных, доведенный до родового

уровня (двурукие – до вида). Так что рисунки А.И. Шаталкина – это средство выражения беллетристических мыслей Ламарка привычным ему языком. Так, на рис. 4.3 (с. 185) обозначения A_{12}, A_{21} и др. соответствуют то некоторым группам, то таксонам, то филетическим линиям, то членам цепи бытия. На с. 195 обе схемы этого рисунка используются А.И. Шаталкиным для иллюстрации ламарковских примеров эволюции высших таксонов насекомых и простейших одновременно. В других местах книги эти же группы соответствуют группам видов. Такое смешение понятий оказалось не случайным. На с. 111 А.И. Шаталкин практически принимает точку зрения позднего Ламарка (1955) на отрицание существования биологических видов в пользу признания эволюции безразмерных филетических линий «сменяющих друг друга индивидуумов». С нашей точки зрения, это – трансформированный «серийный» подход, аналогия, перенесенная для удобства пользования от линнеевских ботанических серий из горизонтального уровня иерархических классификаций высших таксонов, обсуждаемых А.И. Шаталкиным отдельно (с. 170). При таком подходе филетические линии на самом деле являются морфологическими рядами, которые «не умеют» эволюировать. Использование линий в филогенетической систематике нам кажется вредным, так как уже появились энтомологические работы по систематике, в которых на конечных ветвях кладограмм безразмерные линии (бесконечные по своему определению) занимают равноценные места рядом с конкретными ранговыми таксонами, родами и видами.

Трудно сразу совместить в своем сознании привычный образ А.И. Шаталкина – прекрасного специалиста по систематике двукрылых насекомых и теоретика кладогенетика, философа и историка науки. Однако у него в очередной раз получилось научить нас не только диптерологии. После обзора по молекулярной генетике и проблеме морфотипа у насекомых (Шаталкин 2003) Анатолий Иванович знакомит нас с более широким кругом биологических проблем, волнующих не просто рядового систематика.

В книгу А.И. Шаталкина поместился критический обзор не только небольшого двухтомника Ламарка «Философия зоологии» и ряда других его работ, но также и трудов жизни Аристотеля, Кювье, Линнея, Менделя и Дарвина. Не обойдены молчанием их предшественники и последователи, внесшие свой вклад в изучение проблем жизнедеятельности, наследственности и изменчивости живых организмов. Многочисленные ссылки автора на оригиналы и авторов, читающих оригиналы на родных языках, мы понимаем, как укор А.И. Шаталкина потенциальному читателю, которому надобно все разжевывать, так как он не в состоянии сделать этого сам. Очень подробно, с особым (пред)почтением А.И. Шаталкин обозревает номогенез Л.С. Берга и теорию стабилизирующего отбора И.И. Шмальгаузена. Однако он приветствует и вроде как применяет в своей таксономической повседневной работе отдельные разработки и из других теоретических эволюционно-генетических концепций. Так, на с. 286–290 им применяется принцип совершенствования теории идиоплазмы К. Негели для обоснования эволюционного процесса «циклорафизации», обнаруженного автором у высших двукрылых и обоснованного на не всегда бесспорных примерах процессов трансформации признаков строения гениталий самцов. Приведенная же схема является не изображением некоего единого морфологического ряда генитальных сегментов, а расставленными в систематическом порядке изображениями только эдеагальных комплексов, отдельные структуры которых не все гомологичны в разных семействах.

Из Ламарка в биологии автором создается фигура, аналогичная Циолковскому в космонавтике. Так, высказанные фантазии Ламарка по поводу того, что через какие-то мелкие поры в клеточных стенках в клетку проникает теплород и электрический флюид, А.И. Шаталкин подробно и с формулами объясняет калиево-натриевой помпой и другими известными сегодня реакциями ионного обмена, проходящими на мембранах (с. 128, 129). Другие идеи получают менее наукообразное объяснение. Так, только паранаучным можно назвать объяснение умозрительного эфирного огня Ж.Б. Ламарка эмпирическим митогенетическим клеточным полем А.Г. Гурвича. Ряд же нематериалистических идей Ламарка (преимущественно из области химии) А.И. Шаталкин все же отвергает как явно ошибочные: например, включение Ламарком камней, мела и гипса в перечень существенных молекул (элементов) (с. 115). С другой стороны, Ламарк из числа элементов исключил все виды огня, включая теплород (кислород), обо-

значив их как принцип, определяющий специфику молекул (с. 24, 117). Нам кажется также ненужным и вредным для современного читателя воскрешение в книге метафизических идей Геринга о наследственной памяти – мнемизме (с. 455–458). При описании механизмов памяти в эпигенетике вполне хватило и собственных примеров.

Своим трудом А.И. Шаталкин безусловно показал, что ламаркизм – это не отвергнутая ступень на пути познания эволюции, а обязательный шаг к дарвинизму и, более того, всеобъемлющая концепция организации природы животного организма. Он включил в себя все множество аспектных предметов биологического знания от клеточной теории до основ высшей нервной деятельности. Основной взгляд ламаркизма направлен на отношения между организмом и средой. Оставляя за генетикой век двадцатый, двадцать первый век Анатолий Иванович отдаёт царству эпигенетики.

Свою книгу А.И. Шаталкин приурочил 200-летию выхода в свет «Философии зоологии», а эта дата случайно совпала с проведением года Франции в России, которому это издание служит замечательным подарком.

Представлена 16 августа 2010; принята 1 сентября 2010.